

Литературные опасения за кое-что

(Все на свете суета)

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Явилась *История государства Российского*, сочинение Карамзина. Никогда не отдавал ей издатель В. Е.⁴ никакой справедливости, называл других журналистов солдатами, которые отдают честь проезжающему генералу (В. Е. 1818 г., XVIII, с. 125)⁵, точно так же, как называл он Карамзина за его записку о достопамятностях московских -- *плаксивую пташкою* (В. Е. 1818 г., No 13, с. 47). Потом принялся разбирать он предисловие к *Истории госуд<арства> Российского*, насмешил всех этим разбором, рассердился, замолчал и открыл убежище критикам на Карамзина: все печаталось у него в *Вестнике*, все, и дошло до того, что в 1825 г. *Ист<ория> гос<ударства> Российского* названа была -- перифразою *Истории Щербатова* (В. Е. No 21, с. 21).

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые: Московский телеграф. 1828. Ч. 24. С. 372. Печатается по первой публикации.

Полевой Николай Алексеевич (1796--1846) -- критик, публицист, журналист, редактор и издатель "Московского телеграфа". Статья об "Истории государства Российского" -- одно из принципиальных для Полевого выступлений. Она связана с работой над "Историей русского народа", первый том которой также вышел в 1829 г. Ранее в "Московском телеграфе" появлялись доброжелательные отзывы о Карамзине Вяземского, Сомова, хотя отрицательное отношение Полевого к "Истории..." Карамзина сложилось давно. Признавая заслуги Карамзина в собирании и приведении в порядок исторических материалов, "образцовость" его языка и слога, Полевой вместе с тем рассматривает его как писателя "прежнего поколения" и противопоставляет карамзинской "повествовательной" истории концепцию истории "философской", вытекающей из "одного общего начала". Полевой сделал вывод, что "История государства Российского" "в отношении истории, какой требует наш век", то есть с точки зрения "философско-исторической", является произведением "весьма неудовлетворительным".

"Он осудил историческую концепцию Карамзина в целом, указал на отсутствие в "Истории государства Российского" "одного общего начала, из которого истекали бы все события русской истории". Неприемлемым было для него и стремление Карамзина приукрасить повествование за счет искажения в ряде случаев самой исторической правды. Несправедливым и ограниченным полагал он понимание автором "Истории государства Российского" цели изучения прошлого как получения "архивной справки" для правителей, дабы решать дела так, как их "прежде решали", и назидание гражданам, что "зло всегда было, что люди всегда терпели, почему и им надобно терпеть". В вышедшем вслед за статьей первом томе "Истории русского народа" Полевой противопоставил свое понимание содержания исторической науки и исторического процесса исторической концепции Карамзина. Он принципиально расходился с автором "Истории государства Российского" в самом понимании предмета исследования и критиковал Карамзина за отсутствие изображения "духа народного", пытаясь противопоставить истории государей историю своего народа" (*Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 73--74*).

"У Карамзина Полевой не находит идеи "философической истории", жалуется, что Карамзин "нигде не представляет нам духа народного", -- писал Н. А. Энгельгардт. -- Надобно было соединить труды Шеллингов, Шлегелей, Кузенов, Шлецеров, Гердеров, Нибуров, узнать классицизм и романтизм, узнать хорошо политические науки, оценить надлежащим образом древних и т. д., и т. д., дабы могли бы наконец понять, что есть история? Как должно ее писать и что удовлетворяет наш век? Все это приобрело особую пикантность, когда Полевой при No 20 "Телеграфа" за 1829 г. следующее объявление, доказывающее, что сам Полевой, этот "остренький сиделец", по выражению Пушкина, все "узнал", "оценил", "соединил", "понял" и вполне созрел, чтобы написать историю России!

Доныне у нас не было истории великого отечества нашего, которая, представляя вполне события,